

ВОСПОМИНАНІЕ М. П. ПОГОДИНА ОБЪ А. И. ТУРГЕНЕВЪ.

Декабря 3-го, въ шестомъ часу послѣ обѣда, скончался въ Москвѣ тайный совѣтникъ, камергеръ Александръ Ивановичъ Тургеневъ, къ живѣйшему прискорбію всѣхъ кто его зналъ, а кто его не зналъ—въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Европѣ? Лордъ Брумъ зналъ его также какъ митрополитъ Филаретъ, Шеллингъ любилъ его не меньше, мадамъ Рекамье, маркизь Ландсдаунъ какъ Неандеръ, Гизо, Шатобрианъ? Во всей Европѣ былъ онъ какъ дома у себя. А дома—Карамзинъ причислялъ его къ искреннимъ друзьямъ своимъ; Пушкина записывалъ онъ въ лицей, и онъ проводилъ его въ уединенную могилу въ Псковскомъ Святогорскомъ монастырѣ. Надо было приобрѣсть такое значеніе, надо было заслужить такое уваженіе и такую дружбу! Бросимъ бѣглый взглядъ на его жизнь, сколько въ первыя минуты, среди горестныхъ ощущеній, можемъ привести себѣ на память.

Тургеневъ родился въ осьмидесятыхъ годахъ въ Симбирскѣ, воспитывался въ Москвѣ въ знаменитомъ нѣкогда Университетскомъ пансіонѣ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Дашковымъ, Кайсаровыми, Родзянками. Здѣсь первоначально развилась въ немъ, какъ и въ его товарищахъ, благотворная любовь къ Русскому языку и Русской словесности. Тогда же завели они, вмѣстѣ съ Мерзляковымъ, литературное общество, которое собиралось у Воейкова въ его домѣ на Дѣвичьемъ полѣ. По окончаніи ученія въ пансіонѣ Александръ Ивановичъ съ братьями былъ отправленъ отцомъ (образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени) въ Геттингенскій университетъ, гдѣ и выслушалъ курсъ, занимаясь науками историческими и политическими. Послѣ курса онъ совершилъ путешествіе вмѣстѣ съ Кайсаровымъ по Славянскимъ землямъ и собралъ грамматики и словари всѣхъ нарѣчій. Съ отличнымъ свидѣтельствомъ Шлецера явился молодой Тургеневъ въ Петербургъ, въ первые годы царствованія императора Александра, и многіе министры, между прочими князь Чарторыжскій и Новосильцовъ, наперерывъ старались убѣдить его ко вступленію въ службу подъ ихъ начальство. Тургеневъ поступилъ въ Коммисію составленія законовъ, гдѣ и началъ заниматься съ большою ревностію и успѣхомъ. Способности его вскорѣ обратили на себя вниманіе; онъ получалъ безпрестанно важныя порученія, и, наконецъ, исправлялъ, кажется, должность статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ, принимая участіе въ многихъ законодательныхъ работахъ этого времени. Съ 1818 года Тургеневъ приблизился къ покойному князю Александру Николаевичу Голицыну и назначенъ былъ директоромъ Департамента Духовныхъ дѣлъ. Знаменитое преобразование духовныхъ училищъ 1814 и слѣдующихъ годовъ совершено было съ его непосредственнымъ участіемъ.

Такъ шла его служба, но, въ свободное отъ дѣлъ время, науки оставались любимымъ его занятіемъ. Карамзинъ, съ тѣхъ поръ какъ началъ писать Исторію, всё нужныя для себя книги получалъ посредствомъ Тургенева, который посылалъ ему инья даже безъ его указанія и тѣмъ содѣйствовалъ очень много успѣху его труда. Въ 1816 году старые Московскіе товарищи, собравшіеся въ Петербургъ, устроили опять, для своего отдохновенія и увеселенія, литературное общество, подъ названіемъ Арзамаса. Тургеневъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Дашковымъ, Уваровымъ, Блудовымъ, Батюшковымъ, княземъ Вяземскимъ, былъ дѣятельнымъ его членомъ. Въ 1824 г. князь Голицынъ уволенъ былъ отъ министерства; Тургеневъ оставилъ также дѣятельную службу и съ 1825 г. жилъ большею частію въ чужихъ краяхъ, пріѣзжая по временамъ въ отечество. Впрочемъ онъ продолжалъ служить и тамъ, собирая матеріалы для Русской Исторіи въ архивахъ Римскихъ, Парижскихъ, Лондонскихъ. Труды его приняты были съ высочайшимъ благоволеніемъ, и два тома древнихъ грамотъ напечатаны уже Археологическою Коммисією. Драгоцѣнныя донесенія иностранныхъ резидентовъ о царствованіяхъ Петра I, Екатерины I, Петра II, Анны, Елисаветы, вѣроятно также будутъ напечатаны, къ чести Тургенева, и прольютъ свѣтъ на эту часть нашей Исторіи, извѣстную теперь только по газетнымъ и официальнымъ бумагамъ. Впродолженіи этихъ двадцати лѣтъ пребыванія своего за границей, Тургеневъ, жаркій поклонникъ ума, дарованій и славы, гдѣ бы они ни являлись, составилъ свое блистательное знакомство, какого, разумѣется, не имѣлъ никто, нигдѣ и никогда: Французы знакомы только между собою, о Нѣмцахъ нельзя сказать и этого; кругъ связей Англійскихъ бываетъ также очень тѣсенъ. Тургеневъ былъ пріятелемъ и посредникомъ всѣхъ Европейскихъ знаменитостей, *il étoit l'homme le plus répandu* (позволяя себѣ иностранное выраженіе въ характеристикѣ Европейскаго чловѣка). Французскіе министры повѣряли ему опасенія о судьбѣ своихъ министерствъ; Англійскіе толковали съ нимъ о преобразованіи парламента; Нѣмецкимъ профессорамъ доставлялъ онъ свѣдѣнія о коммунизмѣ, а Французскимъ аббатамъ привозилъ онъ труды Православія, а членамъ нашего Синода разсказывалъ о произведеніяхъ новой Нѣмецкой школы. Во всѣхъ Европейскихъ обществахъ онъ былъ представителемъ Русскаго ума, Русской смѣтливости, шутливости, ироніи, и вообще поддерживалъ вездѣ славу Русскихъ способностей. Похожденія свои онъ описывалъ въ особой хроникѣ, которую печаталъ отрывками въ Современникъ и Москвитининъ, подписываясь Эоловой Арфой (именемъ, которое имѣлъ въ обществѣ Арзамаса). Въ Августъ нынѣшняго года пріѣхалъ онъ въ Москву по своимъ дѣламъ, располагалъ провести

зиму, былъ по обыкновенію очень веселъ и шутивъ, являлся во всѣхъ собраніяхъ. Въ Пятницу былъ на балѣ у князя А. Г. Щербатова и рассказывалъ о полученныхъ имъ Запискахъ Владимира Васильевича Измайлова; въ Субботу слушалъ первую публичную лекцію г. Грановскаго; въ Воскресенье, провелъ полдня въ пересыльномъ замкѣ на Воробьевыхъ горахъ, вмѣстѣ съ докторомъ Газомъ; въ Понедѣльникъ все утро писалъ письма въ Парижъ, отвезъ ихъ въ Почтамтъ и, возвратившись, отобѣдалъ вмѣстѣ съ двоюродной сестрой своей А. И. Нефедевой, въ домѣ которой жилъ и которую любилъ со всею нѣжностію брата. За обѣдомъ онъ задумывался. Послѣ обѣда прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, прилежъ отдохнуть и чрезъ нѣсколько минутъ спросилъ воды. Только что ему подали, какъ онъ вскрикнулъ отъ боли: „мнѣ дурно, доктора, священника!“ Боль увеличивалась. „Простите меня, Христа ради, всѣ, всѣ, простите меня“, повторилъ онъ нѣсколько разъ. На крикъ его прибѣжала г-жа Нефедьева. „Мнѣ лучше“, выговорилъ онъ, увидя ее, и съ симъ словомъ тонкаго, нѣжнаго чувства испустилъ духъ.

Погребеніе было вчера, въ собраніи многочисленной публики. Многіе почетные граждане столицы, друзья и знакомые, старые и молодые собрались въ приходской церкви Св. Власія. Высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ, другъ князя Александра Николаевича Голицына, отдалъ послѣдній долгъ его вѣрному сотруднику, который пользовался и его благосклоннымъ расположеніемъ. Съ какой глубокой думою во взорахъ нашъ досточтимый архипастырь бросилъ послѣднюю горсть земли на закрывшіяся вѣжды!

Родныхъ почти никого не было, но лились слезы, слышались рыданія, повторялись имена добраго челоуѣка, благодѣтеля.... Да онъ точно былъ добрый челоуѣкъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Дѣлать добро—было пищею его челоуѣколюбивой души, самымъ лучшимъ наслажденіемъ его нѣжнаго сердца. Ничѣмъ нельзя было одолжить его столько, какъ доставленіемъ случая подать кому-нибудь помощь. Онъ не скучалъ никогда никакими просьбами и не разбиралъ, основательны онѣ или нѣтъ. Челоуѣкъ просить—этого для него уже довольно, по замѣчанію его товарища, столь же челоуѣколюбиваго, доктора Газа;—онъ думалъ только о томъ, какъ бы удовлетворить его просьбу. Расскажемъ здѣсь объ одномъ его обычаѣ: всякое Воскресенье, во время пріѣздовъ своихъ въ Москву, посѣщалъ онъ Пересыльный Замокъ, на Воробьевыхъ горахъ и снабжалъ ссыльныхъ деньгами, одеждою, обувью, дѣтей одѣлалъ лакомствами, спрашивалъ каждаго объ его судьбѣ, и лишь только оказывалась возможность, признаки невинности, склонность къ раскаянію, какъ и начиналъ просить и ходатайствовать объ

облегченіи участи, о доставленіи средствъ исправиться. Самого князя Дмитрія Владимировича Голицына выводилъ онъ часто изъ терпѣнія своими просьбами. Этого довольно, чтобъ убѣдить, какъ онѣ были неотвязны. Ко всѣмъ министрамъ и сенаторамъ сыпались отъ него письма, одно за другимъ: къ секретарямъ и столоначальникамъ ѣздилъ онъ самъ съ поклонами и записками. Никакіе отказы и грубости его не останавливали, пока мелькала какая-нибудь надежда на успѣхъ. Часто, уѣзжая изъ Москвы, онъ оставлялъ нѣкоторыя дѣла этого рода неоконченными, но лишь возвращался черезъ два и три года, какъ и принимался тотчасъ за справки и ходатайство. Множество крѣпостныхъ людей изъ сыльныхъ онъ выкупалъ самъ и чрезъ своихъ повѣренныхъ; множество было освобождено помѣщиками, при его посредствѣ.

Пересильный Замокъ былъ главное поприще его дѣятельности, но не единственное: онъ дѣлалъ добро и на улицѣ: недавно, на примѣръ, ѣхавъ по Арбату, онъ увидѣлъ, что крестьянинъ везетъ возъ дровъ и плачетъ. Тургеневъ остановился и спрашиваетъ, объ чемъ онъ плачетъ. Тотъ отвѣчаетъ, что не могъ продать свои воза за ту цѣну, которая ему нужна. Тургеневъ велитъ ему дожидаться, заѣзжаетъ въ знакомый сосѣдній домъ и проситъ хозяина выручить бѣднаго человѣка изъ бѣды. Съ такимъ добрымъ сердцемъ онъ былъ, разумѣется, нѣжнѣйшимъ родственникомъ, и для родства жертвовалъ всѣмъ, чѣмъ могъ: имѣніемъ, выгодами, почестями, удовольствіями. Чувствительность у него была дѣтская. Шестидесяти лѣтъ онъ часто разливался слезами при какомъ-нибудь горестномъ воспоминаніи или извѣстіи о несчастіи ближняго. Нечего говорить о безкорыстіи на службѣ. Жалованье и филантропическій оброкъ съ наслѣдственныхъ крестьянъ составляли всѣ его выгоды: онъ принадлежалъ къ числу людей, увы! ежеминутно рѣдѣющихъ, которые проживаютъ на службѣ, а не наживаютъ.

Это объ его сердцѣ. Скажемъ теперь о прочихъ его свойствахъ. Тургеневъ былъ ревностнымъ сыномъ Европейской цивилизаціи; просвѣщеніе, законная свобода, право, были его кумирами. Проживъ столько времени въ чужихъ краяхъ, онъ заимствовалъ многія западныя привычки, кои сдѣлались его второю натурою, хотя и оставался онъ Русскимъ въ душѣ.

Его недостатки.... Но у кого ихъ нѣтъ? Не станемъ искать ихъ хоть въ покойникахъ, хоть въ первыя минуты горестной утраты. Они найдутся безъ насъ. Пожелаемъ лучше, посвящая усопшему брату горячую слезу дружбы и памяти, помолиться христіански, и „еже простится ему вся его прегрѣшенія, вольная и невольная, яже словомъ, яже дѣломъ, яже помышленіемъ, въ вѣдѣніи и невѣдѣніи“.... и вспомнимъ себѣ въ утѣшеніе глубокія слова Божественнаго нашего Учителя: Кто любитъ много, тому и простится много.